

НЕОКОНЧЕННОЕ

Друг, тяготея к скрытым формам лести
невесть кому — как трезвый человек
тяжелым рассуждениям о смерти
предпочитает толки о болезни —
я, загрязняя жизнь как черновик
дальнейших снов, твой адрес на конверте
своим гриппозным осушаю паром,
чтоб силы заразной достичь
смогли мои химические буквы
и чтоб, прильнувший к паузам и порам
сырых листов, я все-таки опричь
пейзажа зимней черноморской бухты,
описанной в дальнейшем, воплотился
в том экземпляре мира беловом,
где ты, противодействуя насилью
чухонской стужи веточкою тирса,
при ощущеньи в горле болевом
полощешь рот аттической солью.

Зима перевалила через горы
как альпинист с тяжелым рюкзаком,
и снег лежит на чахлой повилике,
как в ожидании Леандра Геро,
зеленый Понт соленым языком
лобзает полы тающей туники,
но дева ждет и не меняет позы.
Азийский ветер, загасив маяк
на башне в Сесте, хлопает калиткой
и на ночь глядя баламутит розы,
в саду на склоне впавшие в столбняк,
грохочет опрокинувшейся лейкой
вниз по ступенькам, мимо цинерарий,
знак восклицанья превращая в знак
вопроса, гнет акацию; две кошки,
составившие весь мой бестиарий,
ныряют в погреб, и терзает звук
в пустом стакане дребезжащей ложки.

Чечетка ставень, взвизгиванье, хаос.
Такое впечатленье, что пловец
не там причалил и бредет задами
к возлюбленной. Кряхтя и чертыхаясь,
в соседнем доме генерал-вдовец
спускает пса. А в следующем доме
в окне торчит заряженное дробью
ружье. И море далеко внизу
ломает свои ребра дышлом мола,
захлестывая гривой всю оглоблю.
И сад стреножен путами лозы.
И чувствуя отсутствие глагола
для выраженья невозможной мысли
о той причине, по которой нет
Леандра, Геро — или снег, что то же,
сползает в воду, и ты видишь после
как озаряет медленный рассвет
ее дымящееся паром ложе.

Но это ветреная ночь, а ночи
различны меж собою, как и дни.
И все порою выглядит иначе.
Порой так тихо, говоря короче,
что слышишь вздохи камбалы на дне,
что достигает пионерской дачи
заморский скрип турецкого матраса.
Так тихо, что далекая звезда,
мерцающая в виде компромисса
с чернилами ночного купороса,
способна слышать шорохи дрозда
в зеленой шевелюре кипариса.
И я, который пишет эти строки,
в негромком скрипе вечного пера,
ползущего по клеткам в полумраке,
совсем недавно метивший в пророки,
я слышу голос своего вчера,
и волосы мои впадают в руки.

Друг, чти пространство! Время не преграда
вторженью стужи и гуденью выюг.
Я снова убедился, что природа
верна себе и, обалдев от гуда,

я бросил Север и бежал на Юг
в зеленое, родное время года.

1970